

Актуальные проблемы исторической науки

© 2011 г. А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

ПЕРЕСТРОЙКА И ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ СССР С ПОЗИЦИЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Вопросы возникновения государств и их крушения всегда были чрезвычайно спорными в историографии. Если возникновение государств сопровождалось созданием легенды о них (образы Ромула и Рэма, вскормленных волчицей или пролетарский революционный миф в СССР), то падение государств неизбежно порождает другой тип мифов и вопросов – кто виноват, как это стало возможно. Парадоксально различные ответы давались о причинах упадка и крушения Римской империи: падение нравов (К. Тацит, М. Аврелий)¹, теологические аргументы (Блаженный Августин)², утрата вкуса к власти и войне из-за принятия в армию варваров (Н. Макиавелли)³, рост изнеженности и потеря доблести в результате завоевания богатых стран Востока (Ш. Монтескье)⁴, эрозия духовных основ и распространение христианства (Э. Гиббон)⁵, изменение отношений собственности и классовый протест (К. Маркс и Ф. Энгельс) или внешнее вторжение (Л. Гумплович)⁶, деградация в результате расового дисбаланса или кровосмешения (Ж.А. де Гобино, Х.С. Чемберлен и др.)⁷, исчерпание цивилизационной матрицы (О. Шпенглер)⁸, упадок традиционной аристократической конституции (Т. Моммзен)⁹, эволюция аграрных отношений и соответствующих религиозных представлений (М. Вебер)¹⁰, размывание экономической и демографической основы римского империализма и колониализма (М. Ростовцев)¹¹, кросскультурные диффузии, экологические и технологические факторы или комбинация этих факторов¹². Та же дилемма существует в отношении распада СССР, дискуссии о котором выявили отсутствие полноценной концепции, принятой научным сообществом. Крушение СССР как одно из ключевых событий мировой истории XX в., равное по значению факту его образования в начале этого столетия, остается предметом диаметрально противоположных оценок в историографии, касающихся его причин, значения и исторических следствий¹³. Был ли распад государства результатом изначального несовершенства коммунистической системы, ее последующих деформаций или объяснялся стечением неблагоприятных обстоятельств? Почему это произошло – без войны и на пике военного могущества государства? Решение проблемы важно не только для выяснения причин данного конкретного события, но и для понимания методологии современного исторического исследования.

Споры по этому вопросу носят в настоящее время скорее идеологический характер, меньше затрагивая существо процесса и его научное объяснение. Однако в контексте 25-летнего юбилея начала перестройки и 20-летия распада СССР настало время для полноценного научного исследования¹⁴. Эти даты не только актуализируют споры, но создают определенную временную дистанцию для такого анализа. Научное объяснение предпосылок крушения государства – точное указание причины (а не «причин» во множественном числе), по которым оно не могло не распасться. В данной статье предлагается решение проблемы с позиций аналитической истории и лежащих в ее основе методов когнитивно-информационной теории.

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

Границы существующих теорий и обоснование аналитического подхода

Причины крушения СССР в современной литературе могут быть сведены к семи основным теориям. Во-первых, *имперская теория*, представляющая СССР в виде аналога других крупных империй (или прямого продолжения Российской империи) и усматривающая его распад в сходных причинах (политическая дестабилизация и национальные конфликты в условиях модернизации). Империя, согласно данной позиции («империологии»), это особый тип государства, отличающийся от всех других необходимостью поддержания баланса сил в мировой политике¹⁵, утрата которого ведет к «имперскому перегреву» и распаду государства¹⁶. Выделяются 3 основных характеристики данного типа: крупное государство; неоднородное по национальному составу – включает значительное число наций и имеет наднациональную структуру государственного управления (имперскую элиту); все эти разнородные части империи удерживаются в повиновении с помощью силы. Интегрирующие основания могут быть различны (от экономики и военного устройства до религии или идеологии) и, соответственно, распад становится неизбежен в случае утраты одного из системообразующих признаков¹⁷. Основные аргументы против этой теории хорошо известны: неопределенность самого понятия «империя» (охватывает различные типы государств), трудность проведения демаркационной линии между «империями» и «неимпериями» (многие государственные образования современного мира имеют сходные характеристики, выраженные в менее жесткой форме); наконец, существование фундаментальных отличий СССР от традиционных колониальных империй, поскольку отношения центра и республик не сводятся к отношениям метрополии и колоний, напротив противоположны им. Во-вторых, *теория национализма*, объясняющая распад государства тем, что ему не удалось сформировать полноценной гражданской нации или наоборот: «нация не овладела государством». В случае СССР кризис коммунистической идеологии привел к дестабилизации по национальному признаку, завершившись формированием национальных элит, заинтересованных в установлении контроля над властью и собственностью в своих регионах, а также стремлением к приватизации собственности. Русский национализм взял верх над советской мессианской идеей и выступил основным деструктивным элементом¹⁸. При внешней убедительности данная теория подменяет причины и следствия, молчаливо исходя из того, что результат распада страны объясняет его причину¹⁹. Между тем относительно Советского Союза справедливо скорее обратное: именно национализм как идеологический феномен порождает нацию и ведет к их расколу, а не наоборот²⁰. Иначе трудно объяснить, почему Российская многонациональная империя существовала столь длительное время, а ее распад вновь привел к созданию многонационального советского государства²¹. Имеется значительное число многонациональных государств – от Испании и Великобритании до Индии, Индонезии и Бразилии, в которых перераспределение власти и собственности по национально-региональному признаку до сих пор обходится без распада страны (сюда входят Российская Федерация и ряд стран постсоветского пространства). В-третьих, *национально-демографическая теория*, усматривающая причины кризиса в размывании определяющего национального ядра имперского государства и изменении отношений по национальному признаку (движение от империи к «государству-нации»): данная теория адекватно описывает изменение национально-демографической ситуации в СССР накануне крушения, но не объясняет логику крушения других империй, где обстановка была иной²². В-четвертых, *социально-экономическая теория*, усматривающая причину коллапса в экономической неэффективности режима, основанного не на рыночной экономике, а на планировании и принудительном труде. Следствием становятся стагнация, срыв политической системы и революционный кризис, фазы которого воспроизводятся в ходе всех великих революций²³. Подобный тип государств (аналогичных в этом отношении неподвижным восточным деспотиям или абсолютистским монархиям) вступает в неразрешимое противоречие с динамикой современного мира, а попытка выйти из тупика плановой экономики приводит к распаду (согласно этой теории, детонатором

дестабилизации в Советском Союзе стало резкое падение мировых цен на нефть)²⁴. Но эта теория, с одной стороны, не объясняет причины столь длительного существования системы, которая и ранее сталкивалась с экономическими трудностями, но была способна преодолеть их репрессивными методами, с другой – не отвечает на вопрос о том, почему невозможно было приспособить данную систему к новым хозяйственным условиям без ее распада (примеры чего также имели место в истории), с третьей – после всех потрясений в стране не раскрывает причин фактического сохранения старой элиты у власти, обусловившего последующие реставрационно-авторитарные тенденции²⁵. В-пятых, *теория кризиса модернизации*: СССР, успешно осуществив переход от традиционного к индустриальному обществу, оказался неспособен вовремя перестроить социальную и экономическую системы в условиях постиндустриального общества. При сохранении тенденции внешней экспансии это привело к технологическому и военному отставанию страны, выражением чего стали ее проигрыш в холодной войне и крушение идеологических установок²⁶. Кризис модернизации трансформировался в кризис империи²⁷. Данный подход вряд ли объясняет характер явления, поскольку технологическое отставание существовало и ранее (задача его преодоления легитимировала коммунистический режим на протяжении всего его существования), а крах идеологии и распад страны произошел на пике ее военного могущества. В-шестых, *теория, видящая причину распада* (а точнее, «развала», т.е. вполне намеренного действия) *во внешнем давлении, внутреннем заговоре или их комбинации* с целью уничтожения СССР²⁸. Эта теория (традиционно выдвигавшаяся для объяснения всех революций и переворотов) не отвечает на главный вопрос: почему государство, подобно Римской империи, оказалось бессильным предотвратить такое развитие событий, в то время как другим государствам это удалось (неизбежным становится обращение к эмоциональным аргументам вроде «предательства национальных интересов» и т.п.)? Хотя внешний фактор, безусловно, имел место, едва ли есть основания абсолютизировать его²⁹. К этой концепции близка теория личности, фактически сводящая дело к «фактору Горбачева»³⁰ или конфликту и честолюбию двух лидеров – Горбачева и Ельцина³¹. В-седьмых, *комбинированная теория*, исходящая из того, что «не было и нет единственной, главной причины, развалившей СССР»³², отказывающаяся от научного объяснения, поскольку «распад СССР не был исторически детерминирован и не был реализацией какой-то исторической закономерности»³³, или усматривающая причины краха государства в теории цивилизационного конфликта (неопределенность которой позволяет использовать ее диаметрально противоположным образом), сочетании всех или ряда названных выше факторов, в частности этнонационализма и политического экстремизма³⁴. Но перечисление причин означает неспособность выявить одну из них, главную, а следовательно, поставить точный диагноз болезни и смерти государства.

Все эти теории характеризуют отдельные стороны явления, но не могут быть приняты как универсальные. Причины неэффективности этих объяснений, однофакторных и многофакторных, в том, что они не раскрывают системных отношений различных параметров кризиса; не учитывают разных стадий процесса (причины кризиса могут быть разделены на общие и кратковременные); имеют, как правило, фаталистический характер, поскольку исходят из предопределенности крушения государства (и в этом смысле путают следствия и причины, не анализируют существовавшей на разных стадиях вариативности процессов) или, напротив, впадают в противоположную крайность исторического волюнтаризма, сводя дело к эмоциям и ошибкам лидеров. Эти объяснения не являются исключительными, поскольку могут быть отнесены едва ли не ко всем большим многонациональным государствам с авторитарной системой правления. Наконец, они не конкретны: если СССР было суждено распасться, то почему он просуществовал столь значительное время и почему распад произошел именно в конце XX в., а не в 1920-х или 1960-х гг., когда практически все названные факторы уже имели место? Общий недостаток этих теорий в том, что они, по-существу, повторяют аргументы, выдвинутые при объяснении крушения Римской и других империй прошлого, в лучшем случае, основываясь на появившихся в XIX в. теориях, пытаются объяснить явление

Новейшей истории, а в худшем – используют для этого терминологию самой этой эпохи, которая, в свою очередь, опиралась на идеи, оставшиеся в наследие от советской идеологии – и в этом смысле не могут быть признаны исчерпывающими.

Полноценное объяснение возможно с позиций аналитической истории, опирающейся на методы когнитивной теории. Когнитивно-информационная парадигма как новая метанаучная концепция гуманитарного познания представляет синтез современной теории информации, наук о мышлении и поведении. Определяющее значение для нее имеют когнитивные мотивы конструирования реальности, которые в свою очередь определяются информационной картиной мира индивида и общества, раскрываются в рамках таких понятий, как качество информационного ресурса, различие подлинной и вторичной (мнимой) информации, креативной и транслирующей форм обучения, когнитивный раскол общества в отношении феномена «новизны», манипулирование информационным обменом, информационная агрессивность, объяснение с этих позиций мотивов целенаправленного поведения людей в истории, их вариативности, возможности верификации и прогнозирования³⁵. Ключевыми параметрами и источниками для изучения проблемы с этих позиций должны стать изменения информационных и ценностных ориентиров; фиксирующие их правовые нормы, функции законодательных дебатов в конструировании новой политической системы, параметры социальной и когнитивной адаптации общества и элитных групп, а также установление мотивов выбора лидерами определенной стратегии и возможности ее изменений в пространстве и времени политических преобразований.

Перестройка: масштабы, проекты и методы преобразований

Общей причиной перестройки стало осознание ошибочности сделанного ранее когнитивного выбора, закрепленного в коммунистической идеологии, и угрозы выпадения страны из мировой цивилизации. Выражением этого явились официальное признание неспособности объяснить смысл происходивших в мире и стране процессов с позиций традиционной познавательной схемы («мы не знаем общества, в котором живем»); поиск новых объясняющих теорий (первоначально в рамках традиционной идеологии, а затем и за ее пределами) и расширение доступа к подлинной информации на разных уровнях иерархии; преодоление закрытости системы по отношению к внешнему миру и конструирование новых каналов коммуникаций, ранее сознательно заблокированных идеологией системы. Замышляя перестройку, М.С. Горбачев, по-видимому, руководствовался идеей о соответствии тенденциям мирового развития идеологических постулатов ленинизма, которые необходимо было очистить от различных искажений³⁶. Этим объясняется компромиссный характер первоначальной концепции преобразований, стремившейся соединить «опыт цивилизации» со «столбовой дорогой» марксизма³⁷. Первоначально преобразования задумывались как частичные реформы, не затрагивающие существа идеологического выбора и несущих основ системы (отсюда смысл самого термина «перестройка»), но затем стало ясно, что под вопрос поставлены именно эти основы (появилось понятие «кризиса перестройки»). Возник раскол мнений внутри правящей элиты в отношении концепции преобразований – представлениях о необходимых масштабах изменений, соотношении внешних и внутренних аспектов преобразований, создании предварительного плана и его развития, соотношении рациональных действий и интуитивных реакций на события, вопросов, типичных для модернизации. Этот раскол мнений открыто проявился уже на I съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.), получил развитие на II съезде (12–24 декабря 1989 г.), достигнув апогея на III внеочередном съезде (12–15 марта 1990 г.) при обсуждении конструкции новой политической власти и, особенно, IV съезде (17–27 декабря 1990 г.), центральной проблемой которого стало сохранение Союза. Последний, V съезд, собравшийся после августовского путча в сентябре 1991 г., оказался неспособным преодолеть политический раскол, выступил пассивным наблюдателем дезинтеграции государства и бесславно закончил свою историю в декабре 1991 г.

Горбачев исходил из того, что перестройка – ответ на глобальные изменения в мире XX столетия, которые означают радикальные перемены внутри СССР: «Получилось так, что в нем скрестились два процесса мирового значения. Это, во-первых, приступ к фундаментальным преобразованиям у нас, причем такого масштаба, который сравним с поворотом 1917 года» и, «во-вторых, можно сказать, пиковое состояние кардинальных перемен на Европейском континенте»³⁸. Другие участники дебатов начального периода перестройки (1985–1989 гг.) также констатировали расширение масштабов и глобальный характер перемен: «Перестройка – не узкая колея очерченной дороги, это широкая река, которая выведет нашу страну в русло цивилизации»³⁹. Таким образом, концепция масштабов преобразований не оставалась неизменной: они расширялись по мере осознания невозможности сохранить несущие основы конструкции «реального социализма», ситуация, в принципе осознанная оппозицией гораздо раньше⁴⁰ и ставшая предметом обсуждения в диссидентском движении в связи с поиском гарантий политических прав личности⁴¹.

Следствием стал когнитивный диссонанс⁴² – раскол представлений в отношении таких базовых понятий, как «коммунизм», «социализм» и «социалистический выбор», которые традиционно использовались пропагандой без выяснения их подлинного смысла. Особенность этих метафизических конструкций заключалась в том, что они имели исключительно идеологическую природу, не могли быть определены юридически, а потому наполнялись совершенно различным смыслом на разных стадиях развития СССР. Соответственно, невозможно было определить, что такое «деформации социализма» и насколько далеко они зашли. Выражением когнитивной дезориентации стало решительное недоумение некоторых участников I съезда народных депутатов СССР предлагавших «дать поручение лучшим силам общественно-политических наук разработать наконец конкретную концепцию социализма, используя при этом богатейшее наследие марксизма-ленинизма, исторический опыт и реалии наших дней»⁴³. Позднее возникли вопросы: «что есть социализм, какие социалистические преимущества существуют» и «если это входит в официальный документ, социалистические преимущества должны быть сформулированы так, чтобы абсолютно для всех людей все было точно, четко и ясно»⁴⁴. Ответ давался в стиле софистов: «У нас есть К. Маркс, а вы призываете к тому, чтобы мы в законе начали сейчас расписывать, что такое социализм и зачем это слово»: «не надо давать определение социализма, а надо дать признаки социализма»⁴⁵. Одни (как Ф.М. Бурлацкий) считали, что коммунизм сродни христианству, другие (как А.А. Собчак) указывали на их противоположность: если смысл христианского мировоззрения в том, что «все мое – твое», то смысл коммунистического, наоборот, что «все твое – мое» состоит в экспроприации чужой собственности и принудительном «осуществлении социальной справедливости путем перераспределения богатств в обществе»⁴⁶. В конечном счете, неспособность определить это понятие юридически привела к предложению убрать из названия государства СССР слово «социалистический»⁴⁷. Консерваторы выступили против существования самой дилеммы, отказываясь от постановки вопроса о социалистическом выборе⁴⁸. Неверно, полагали они, что «абсолютное большинство наших граждан не представляет себе, что такое СССР», а тех коммунистов, которые считают марксизм утопией, необходимо спросить: «Зачем же вы носите партийные билеты? Сожгите их, выбросьте в мусор. Партия останется в меньшинстве, но она приобретет силу, и будут дальше развиваться те же идеи, которые заложили Маркс и Ленин»⁴⁹.

Ключевой элемент этих дебатов – оценка ситуации в стране как кризиса и выяснение его природы. Здесь были представлены 3 позиции. Одна из них (официальная) интерпретировала причины кризиса как отступление от аутентичных идеологических догматов: «Это кризис не социализма вообще, а одной из его форм, в которую мы поверили и так усердно создавали, а именно государственно-бюрократического социализма». Речь должна была идти о «новой модели социализма», суть которой – «переход от государственно-бюрократического к демократическому, гуманистическому, гражданскому, социалистическому обществу» и «подлинно добровольной ленинской федера-

ции»⁵⁰. Трактовка кризиса как следствия «деформаций социализма» видела простое решение в том, чтобы «вернуться к истокам его зарождения и воплотить в жизнь декреты Октября: власть – народу, землю – крестьянам, фабрики – рабочим. Дело за малым – как это сделать в условиях сегодняшнего дня?»⁵¹. Другая позиция, сформулированная радикальными критиками режима, видела природу кризиса в крушении «тоталитарного строя», «параличе власти» старого союзного центра⁵², затем ее скорректировали, и поздний советский режим (в отличие от «сталинского фашизма») стал определяться как «бархатный» тоталитаризм (типа режима Франко в Испании или диктаторских режимов в Латинской Америке), при котором «традиционные мирные ценности все-таки главенствовали»⁵³. Суть конфликта усматривалась в противоречии общества и власти, точнее, правящей партии по вопросу о масштабах необходимых перемен и сохранении у власти старой элиты («партийной верхушки, генералов, военно-промышленного комплекса») ⁵⁴. Согласно третьей, компромиссной, прагматически-государственной позиции, ставшей доминирующей в начале реформ «главная причина кризиса, в который попало наше общество, носит социальный характер. Она заключается в массовом отчуждении людей от общественных целей и ценностей, прежде всего от общественно полезного труда». В предшествующий период в стране возникли «кризисные явления», а затем и «тяжелый кризис», который был связан с бюрократизацией власти и ее растущей неспособностью реагировать на запросы общества: «Они стучались, и они прорвались в острой форме»⁵⁵. Выход усматривался во включении механизмов саморегуляции, первоначально в виде «социалистической демократии» – «диалога с трудящимися», затем в принятии элементов политического плюрализма, а в конечном счете – «походе в мир свободы»⁵⁶.

Вопрос о том, насколько развитие реформ имело планомерный характер или представляло собой импровизацию, выявляет 3 позиции. Те, кто считает, что план был, указывают на существование некоторых его ключевых элементов: открытие системы по отношению к внешнему миру (отказ от традиционной советской «изоляции и автаркии» в пользу «сотрудничества и взаимодействия»), ограничение цензуры (знаменитая «гласность», превратившая страну в «дискуссионный клуб» по освоению новой политической культуры), демократизация политической системы (начиная с символического возвращения А.Д. Сахарова из ссылки, последующего санкционирования самой возможности обсуждения места КПСС в политической системе и соответствия ее действий Конституции страны 1977 г.), формулирование основных задач преобразований – перехода к рыночным отношениям; нормализации межнациональных и межреспубликанских отношений, повышения авторитета власти, укрепления правопорядка в сочетании с демократизацией и мерами стабилизационного характера⁵⁷. Странники мнения о том, что плана реформ не было, указывают на уникальность ситуации (трудно найти аналоги в мировой истории), неопытность реформаторов (политическая элита предшествующего времени формировалась по принципу лояльности власти и негативной селекции), неспособность использовать опыт других стран (отдельные свидетельства обращения к нему скорее подтверждают этот вывод, чем опровергают его), наконец, ложность изначальных когнитивных установок – представления о возможности совершенствовать систему в рамках идеологии социализма⁵⁸. Третья позиция представлена теми, кто полагает, что некоторый предварительный план существовал в виде системы общих ориентиров, но вынужденно выправлялся по мере реформ⁵⁹. Необходимость такой спонтанной корректировки объяснялась как невозможностью прогнозирования многих параметров, так и конфронтацией по вопросу идеологических рамок реформ внутри партийной элиты. Горбачев, к началу преобразований не имевший абсолютного контроля над ситуацией внутри партии, нуждался в отстранении от власти противников проведения реформ. Полем борьбы являлась идеология и, следовательно, выбор инструментов перестройки не был свободным. Действия Горбачева в этой ситуации могли иметь только форму тактической борьбы за власть и неизбежно носили характер ответов на поступающие системные вызовы, в частности быстрые спонтанные изменения общественного сознания⁶⁰. Кроме того, последующие попытки найти некоторый

«скрытый план» в действиях Горбачева (например, идея «сдачи позиций социализма», злостного «развала Союза» или приватизации собственности номенклатурой) имеют гипотетический характер (не подтверждаются известными данными), подменяют причины результатами, а в конечном счете не предлагают серьезных аналитических аргументов (поскольку дело сводится к позиции одной личности). На уровне наших современных знаний можно констатировать, что у Горбачева была, несомненно, определенная идея реформ (суммирующая выдвигавшиеся ранее идеи), но не существовало их четкого плана, поэтому процесс развивался скорее в режиме импровизации, а не планомерной бюрократической реформы и вышел из-под контроля официальных структур «старого порядка». Этим объясняется, в частности, харизматическая роль Горбачева: его преимущества как лидера реформ усматривались в том, что, во-первых, он вышел из недр старой системы и, следовательно, хорошо знал ее устройство; во-вторых, смог порвать с ее консервативными и инерционными установками, предоставив ей «шанс на выживание через обновление»; в-третьих, был консолидирующей фигурой для разных групп элиты, поскольку в его личности соединялись старая советская и новая демократическая легитимность, он появился в нужный момент, «волею судеб пришел к руководству как нельзя вовремя», наконец, в отличие от предшествующих лидеров, оказался «способен на озарение и крупные политические обобщения» в глобальной и национальной политике⁶¹.

Вопрос оценки современниками перестроечных реформ определялся идеологическим выбором: они делали это с помощью известных и понятных им терминов (в основном, марксистских) – реформа, революция и, позднее, реставрация. Горбачев задумывал перестройку как радикальную реформу, осуществляемую государством: «перестройка началась сверху», поскольку «иначе и быть не могло в условиях тоталитаризма»⁶². Ельцин склонялся к формуле революции, изменяющей в том числе политическую надстройку: «Перестройка, как и всякая революция сверху, по мере своего развития и углубления захватывает интересы всех слоев общества. Но едва ли не самым существенным образом она затрагивает интересы самого аппарата как системы власти»⁶³. Наконец, сторонники «социалистического выбора» видели в этих преобразованиях отрицание революционной марксистской модели построения общества – контрреволюцию, реставрацию капитализма и тенденцию бонапартистского режима власти. Западная историография оценивает преобразования Горбачева как «революцию», «незавершенную революцию», «революцию сверху», «реформу» или даже «смуту»⁶⁴. Эти термины используются и в современной российской научной литературе⁶⁵.

Ударный компонент всего дезинтеграционного процесса – феномен «информационной агрессивности» – стал реакцией на суррогатные информационные продукты и отсутствие включенности основной части общества в полноценную творческую деятельность по созданию новой политико-правовой системы. Поиск информационно-когнитивного моста между старой и новой идентичностью (конвергенция систем, о которой говорил А.Д. Сахаров) не состоялся. Это вызвало диссонанс в обществе по линии обновления старой идеологии (крах мирового коммунизма как предпосылка краха СССР) и заставило искать новые объясняющие схемы выхода из психологического тупика.

Конституционная трансформация: номинальный парламентаризм, партия и государство

Наиболее четко изменение информационной картины мира и связанный с этим когнитивный диссонанс выражаются в правовых параметрах социального регулирования – расколе представлений о масштабах необходимых преобразований, формах и процедурах их осуществления, мнениях о содержательной значимости возникших вопросов в реформационной повестке дня и, наконец, в решении вопроса о механизме политической реформы и тактике ее проведения.

Раскол представлений о масштабах преобразований выявил две стратегии – радикальную и умеренную. Первая выражалась в конституционной революции, вторая – в концепции конституционной реформы. Реализация первой стратегии означала интерпретацию перестройки как революции, провозглашение I Съезда народных депутатов СССР Конституантой, Учредительным собранием, которое должно взять всю полноту законодательной власти в свои руки и осуществлять трансформацию правовой системы, не считаясь со старой советской легитимностью. «Мы, – заявлял А.Д. Сахаров, – переживаем революцию, перестройка – это революция, и слово “декрет” является самым подходящим в данном случае». На основании этого, считал он, Съезд должен обсудить весь круг политических вопросов, определяющих судьбу страны. Сахаров предложил свой «Декрет о власти»: статья 6 Конституции отменяется; принятие законов СССР является исключительным правом Съезда. На территории союзной республики законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики; Верховный Совет (ВС) СССР становится рабочим органом Съезда; избрание высших должностных лиц СССР – исключительное право Съезда⁶⁶. Только после обсуждения платформ, выдвинутых различными кандидатами, возможны выборы главы государства – Председателя ВС СССР. Поэтому он высказался за «условную поддержку» Горбачева, избранного фактически на безальтернативной основе⁶⁷. Сахаров предлагал «обсудить вопрос об исключении из Конституции СССР тех статей, которые препятствуют принятию законов о собственности, о земле»⁶⁸. Позднее предлагалось приостановить действие Основного закона страны, переставшего соответствовать действительности, что рассматривалось одними как «шаг к подлинной конституционности»⁶⁹, другими – как «шаг к гражданской войне»⁷⁰. Поскольку задача единовременного принятия новой демократической конституции Съездом не была выполнена, Сахаров и его единомышленники (сформировавшие Межрегиональную депутатскую группу) оказались в оппозиции к проводимым реформам, критикуя их как непоследовательные, компромиссные и умеренные⁷¹.

Другая позиция выражалась в идее конституционной реформы, смысл которой заключался в том, чтобы отдельными поправками трансформировать правовую систему, основанную на старой советской конституции. Это соответствовало представлениям Горбачева о перестройке как радикальной реформе с ее идеей расширения прерогатив представительных органов (передачи им «реальных рычагов власти и управления») и «безусловного подчинения им аппарата»⁷². Данная программа легитимировалась воспроизводством исторического лозунга «Власть Советам!», неопределенность которого позволяла интерпретировать его самым различным образом. Эта идея не была изобретением Горбачева, но выдвигалась оппонентами режима со времени его установления. Известный представитель диссидентского движения А.А. Амальрик еще в 1968 г., говорил что «политически разумно сохранить слово “советский”, к которому народ привык, восстановление реальной власти Советов было бы наиболее простым путем к демократическому парламентаризму, я предлагал лозунг кронштадтского восстания 1920 года “За Советы без коммунистов!” заменить на “За Советы, в том числе и с коммунистами!” – компартия может сохраниться как одна из партий в многопартийном советском обществе»⁷³. Эта концепция не исключала радикальных изменений Основного закона, но предполагала их осуществление путем поправок к действовавшей Конституции 1977 г. Решение вопроса о механизме конституционной реформы было компромиссным. Оно нашло выражение в создании Конституционной комиссии, в задачу которой входило обобщение предложений депутатов о внесении изменений и дополнений в Конституцию и выдвижение соответствующих законопроектов о поправках⁷⁴. Данный подход открывал определенные возможности конституционной импровизации, общее направление которой, однако, должно было остаться под контролем элиты.

Этот конфликт двух стратегий наиболее ярко проявился при обсуждении содержательных вопросов – деидеологизации государства и конструировании структуры будущей власти. Поскольку деконструкция номинальной правовой системы осуществ-

лялась не путем радикального отказа от нее в пользу правового государства, но в русле старой советской легитимности, ключевое значение приобрел схоластический вопрос о соотношении советов и партии. «Передача власти» от партии к советам рассматривавшаяся как возвращение к «принципам народовластия», существовавшим будто бы на заре советской власти, но утраченным в период сталинизма, и должна была, по мысли ее сторонников, возродить «равноправный союз партийных и беспартийных на основе идей социализма»⁷⁵. Но следовало учитывать тот факт, что советы никогда не были полноценными институтами власти и управления и практически с самого начала своего существования являлись декорацией однопартийной диктатуры⁷⁶. Однако эта идея была способна легитимировать постепенную деидеологизацию институтов государственной власти. При этом возникал ряд сложных вопросов.

Первый из них – как будут формироваться новые институты власти – на однопартийной или многопартийной основе. Обсуждение «Основ советской избирательной системы» позволяло легализовать проблему возврата к демократическим выборам, всеобщим, прямым и равным при тайном голосовании⁷⁷, возможность которых была утрачена после большевистского переворота Октября 1917 г. и роспуска Учредительного собрания в 1918 г. Принцип равенства ставил под сомнение корпоративистскую доктрину выборов от «общественных организаций» (за которыми угадывалось доминирование самой крупной из них, КПСС). Партии было предложено «перестать позориться на весь мир с выборами от общественных организаций» и научиться достойно побеждать «в честной борьбе с открытым забралом в национальных и территориальных округах»⁷⁸. Аргументы в пользу необходимости изменения ст. 6 Конституции СССР⁷⁹ и принятия нового закона «Об общественных объединениях», санкционирующего многопартийность, выдвигались на фоне начавшегося спонтанного процесса формирования протопартийных организаций и общественных движений⁸⁰.

Второй вопрос – что делать с конституционно закрепленной монополией партии на власть. Дискуссия по включению этого вопроса в повестку дня I съезда народных депутатов выявила три позиции – сохранения 6-й ст., ее отмены и откладывания вопроса на неопределенное время. Сторонники первой позиции исходили из того, что «решение об изменении Конституции и проведении дебатов» по 6-й ст. означает «неэтичное» поведение, «атаку на партию, ее руководство», «стремление насадить идеологию инородности партии, армии и КГБ», которое есть «ничуть не доброе намерение и не направлено на дело перестройки»⁸¹. Вторая позиция не менее однозначна: данная статья «для нашей политической системы устарела, представляет препятствие для быстрых изменений», поскольку сохранение монополии КПСС противоречит «свободе объединения граждан в политические организации и равенству этих организаций перед законом»⁸². В ряде случаев формулировка этой позиции сопровождалась характерными оговорками об «уважении к партии как инициатору перестройки» и заверениями в лояльности – «это не атака на партию, а борьба за ее истинный авторитет»⁸³. Третья позиция выражалась в отказе от немедленного решения вопроса в силу его неподготовленности, передачи его на рассмотрение Конституционной комиссии для увязывания с принципом демократического централизма и статусом комсомола, либо вынесения на референдум⁸⁴. Частью этих дебатов стали процедурные вопросы – формы и дисциплины голосования, адекватности его результатов и возможности их пересмотра. Прослеживается тенденция к последовательной радикализации политической реформы: борьба за отмену 6-й ст. Конституции СССР 1977 г. развернулась на I съезде народных депутатов; требование оппозиции по этому вопросу («поправка Сахарова») получило поддержку демократической общественности (на демонстрациях и митингах); отмена 6-й ст. и одновременное введение поста Президента СССР были санкционированы Пленумом ЦК КПСС 5 февраля 1990 г. Вопрос был решен на III внеочередном съезде народных депутатов, принявшим 14 марта 1990 г. закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». Окончательная отмена конституционной монополии КПСС была воспринята многими как «революция», однако на деле это было не так, учитывая, что роль партии в советской системе никогда не

определялась ее конституционным закреплением (отсутствовавшим во всех предшествовавших конституциях за исключением Основного закона 1977 г.)⁸⁵, основным источником публичного права являлись решения партийных, а не советских институтов законодательной власти, а решение об отмене однопартийной диктатуры было принято, хотя и под давлением оппозиции, самой партией (заявление Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 5 февраля 1990 г.), что теоретически ставило проблему его окончательности и легитимности: вопрос, в какой мере неограниченная власть может сама себя ограничить, не вступая в противоречие с номинальными конституционными нормами?

Третий вопрос – кто будет руководить процессом преобразований при отказе от доминирования партийных комитетов. Если партия является инициатором и гарантом реформ, то в какой мере возможно ее ограничение и какие структуры должны взять на себя функции управления? Сама формулировка проблемы соотношения партии и советов имела исключительно идеологический характер и не представляла серьезного когнитивного значения, поскольку эти институты были инкорпорированы в единую систему и, по-существу, представляли собой две стороны одного явления – исторически сформировавшегося авторитарного однопартийного режима⁸⁶, определявшегося в то время как «командно-административная система»⁸⁷, причем сам партаппарат оказался в стадии глубокого разложения⁸⁸. Вскоре выяснилась практическая неосуществимость реформы советской системы: она привела, с одной стороны, к «параличу власти на местах», которую не могли осуществлять «бесконечные районные, деревенские, городские и прочие парламенты, заседающие по многу месяцев», с другой – к утрате рычагов влияния партийными комитетами, перешедшими к реализации «аппаратного варианта приватизации», разграблению госимущества партбюрократией⁸⁹. Критиковали партаппарат за манипулирование избирательным процессом, стремление влить «новое вино выборного энтузиазма в старые мехи партийного диктата», непрофессионализм в решении национальных вопросов, несправедливое распределение благ, ставшее предметом рассмотрения новой Комиссии по привилегиям. Выход усматривался в принятии закона о партиях, «в котором предлагалось ограничить производственную, коммерческую, иную деятельность партий размерами, необходимыми для обеспечения их политической деятельности»⁹⁰.

Политический кризис привел к критике партийной монополии на власть и выдвижению концепции разделения властей, не исключавшей, впрочем, их неизбежного временного соединения на переходный период в рамках института сильной президентской власти⁹¹. «Поправка к статье 6 и дополнение Основного закона статьей 127, – констатировал Горбачев, – находились в органической взаимосвязи. Первая означала, что наше государство перестает быть однопартийным, в известном смысле даже теократическим, в нем вводится один из главных принципов демократии – идейный и политический плюрализм. Второе означало признание другого не менее важного принципа демократии, а именно разделения властей»⁹². Результаты конституционных изменений имели компромиссный характер. Они были подведены в выступлении Горбачева 4 декабря 1990 г. на IV сессии ВС СССР о проекте «Закона об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления»⁹³. Введены были новые институты – Совет Федерации, институт Президента и вице-президента, Совет безопасности, Кабинет министров, законы о переходном периоде, мерах по реформированию отношений собственности в деревне⁹⁴.

Таким образом, конфликт легитимности (опиравшейся на идеи «нового мышления») и законности (опиравшейся на нормы действующего права) в условиях перехода от номинального конституционализма к реальному не получил полноценного разрешения: отказ от радикальной модели конституционных преобразований породил трудности, из которых система пыталась выйти путем частичных реформ, осуществляемых на старой легитимирующей основе. Идея перехода власти от партии к советам, носившая абстрактный идеологический характер, не могла стать полноценным ориентиром политической реформы, выступив фактором потери управляемости⁹⁵. Отмена однопар-

тийной диктатуры породила вакуум власти, который лишь отчасти удалось ослабить введением должности Президента СССР. Невозможность (или неспособность) разделить идеологию и принятие управленческих решений привели к тому, что кризис однопартийной диктатуры стал кризисом государства как такового.

Собственность и справедливость: поиск новых рычагов мотивации социально-экономического поведения

Вопросы собственности и справедливости оказались взаимосвязаны при переходе к рыночной экономике, поскольку идеи социальной справедливости, выдвинутые в социалистический период, хотя и имели декларативный характер, поддерживались развитой системой пропаганды, уравнительного распределения, а также предоставлением отдельных «льгот» различным социальным группам, которые они боялись потерять. Неэффективность существующей экономической модели, основанной на тотальной государственной собственности, исключавшей заинтересованность работника в результатах труда, требовала отыскать новые мотивы – «интерес трудиться, получать доход»⁹⁶.

Анализ политической риторики по вопросам собственности выявляет картину полной дезориентации в пространстве, времени и используемых понятиях. Прежде всего следует констатировать отсутствие у элиты рационального представления о собственности как правовом понятии и преобладание в целом метафизического и идеологизированного, т.е. вполне иррационального ее понимания, восходящего к устойчивым стереотипам традиционалистского коллективизма, ассоциирующего собственность с «эксплуатацией». Это выяснилось в ходе обсуждения предложенного заместителем Председателя Совета Министров СССР Л.И. Абалкиным компромиссного курса⁹⁷ и отражающего его «Закона о собственности в СССР». В выступлении на III сессии ВС СССР 15 февраля 1990 г. по этому вопросу он отстаивал тезис о «многообразии форм собственности» при исключении ее частной формы и эксплуатации как путь к «гуманному, демократическому социализму»⁹⁸. К числу приоритетных законов, вытекавших из этой неопределенной конструкции, были отнесены законы о собственности в СССР, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях, о социалистическом предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования, об общих началах местного самоуправления и хозяйства, о профсоюзах, свободе совести, печати, информации и др.⁹⁹

В ходе этой дискуссии были поставлены вопросы легитимности существующих форм собственности. Первая проблема – что такое собственность и каковы ее формы – выявила мучительный процесс освоения новых реалий. «Что такое собственность “социалистическая”, – констатировали депутаты, – никто из нас, даже наши выдающиеся теоретики, сегодня ответить нам не могут». Участники дебатов не смогли договориться о количестве форм собственности: одни выделяли их 12, другие – 3 (гражданина, коллективная, государственная), «которые существуют во всех правовых системах мира, может быть, действительно со времен римского права» или, по крайней мере, будут понятны иностранцам, третьи – только две – «мою» и «нашу». Прослеживается осторожный отказ от «социалистической собственности», «потому что собственность – везде собственность», размышления о соотношении понятий собственности и имущества, поскольку «собственность – это не вещь, а отношение субъектов по поводу объектов», неправомерности отождествления социализма исключительно с общественной собственностью, а капитализма – с частной, которая «наверное, имеет право на свое существование»¹⁰⁰.

В этом контексте чрезвычайно показательны споры депутатов о таком юридически бессодержательном понятии советского права, как «коллективная собственность». Справедливо констатировав, что здесь «прослеживается какая-то коммуна», т.е. что-то общее, неделимое, участники дебатов отметили целесообразность замены этой ру-

диментарной конструкции понятием ассоциированной (долевой) собственности или собственности «членов трудового коллектива», что вызывало у них ассоциации с «народным капитализмом», наконец, выдвигали различные представления о том, что делать с этой собственностью, вплоть до наивной анархической идеи децентрализовать промышленность и передать ее рабочим. Самостоятельный аспект проблемы – социальная справедливость и перераспределение собственности – нашла концентрированное выражение в спорах о соотношении рыночной конкуренции и «эксплуатации». Странники «социалистического выбора» категорически отвергали новые механизмы мотивации труда: «Что же, революцию в 1917 году наши деды и прадеды делали от безделья?»; «Социализм подразумевает справедливость среди людей, отсутствие эксплуатации человека человеком». «Социалистическая собственность» представлялась им несовместимой с частной собственностью, «отчуждением работников от средств производства», «эксплуатацией» и безработицей, т.е. основными элементами рыночной конкуренции. Однако попытки юридически определить экономическое понятие «эксплуатация» показали бесперспективность этого занятия: «никто точно не может определить ту меру, где она начинается, какая должна быть величина прибавочного продукта» и проч. Более того, эксплуатацию начинали рассматривать «как следствие любой монополии, когда отсутствует выбор приложения сил», а значит, допускалась мысль о ее возможности в плановой экономике¹⁰¹. Эти паллиативы отражены в законе «О собственности в СССР»¹⁰².

Вторая проблема – конфликт сторонников государственной и частной собственности на землю и вопросы стратегии аграрной реформы. В программе правительства предлагалось зафиксировать государственную принадлежность собственности на землю и природные ресурсы и однозначно отвергалась идея частной собственности. Странники рыночной экономики категорически не согласились с такой постановкой вопроса: государственная собственность «закрепляет безземелье крестьянина либо толкает его в объятия эксплуататора, которым ныне является председатель колхоза, директор совхоза», представляет собой «сталинизм в сельском хозяйстве» – экономическую Вандею, способную «торпедировать перестройку»¹⁰³. «Я, – говорил депутат Ю.Д. Черниченко, – в рынок верю, как верю в земное притяжение», а потому «не надо пытаться обхитрить физические законы – отдайте землю по-доброму, не грешите (шум в зале, аплодисменты)». Закон о земле, отмечали экономисты А.М. Емельянов, В.А. Тихонов и другие, не может обойтись без правового определения отношений собственности: «Ведь это не воздух, не вода в реке – это недвижимое имущество. Как может быть законопроект о земле, если совсем нет понятия собственности?». В качестве альтернативы предлагалось поставить вопросы о частной собственности, фермерском хозяйстве и интеллектуальной собственности или вынести их на референдум, тем более что неофициально купля-продажа земли давно существует и ее надо просто легализовать¹⁰⁴. Особую роль в обосновании реформы для возрождения русского крестьянства сыграли известные писатели-деревенщики. «Крепостное право, основанное на марксизме, – говорил В.И. Белов, – должно наконец исчезнуть. Крестьянин должен стать свободным, свободным от всего, кроме земли. Но и зависимость от земли должна быть добровольной, свободно выбранной». С.П. Залыгиным организационные формы землеустройства виделись в использовании опыта старого русского земства: «Ведь это был необыкновенно демократический общественный организм». Позитивный вектор усматривался в ликвидации колхозов и «обеспечении права равного доступа к земле»¹⁰⁵.

Мощная оппозиция этим идеям отражала силу коллективистского традиционализма, восходящего к историческим представлениям крестьянской общины и колхозного быта: оппоненты рыночных преобразований не допускали и мысли, что «мы перечеркнем завоевания Октября, предадим кровь наших отцов и дедов, разрешим торговать землей-матерью, разрешим частную собственность», указывали на связь государственной собственности с сохранением однопартийной диктатуры, ибо «эта партия воистину от земли», констатировали неготовность крестьян взять землю из-за

недостатка доверия и бюрократических трудностей, а также особенностей психологии «колхозников-механизаторов», далекой от идей «наших бойких плюралистов», видели в приватизации земли способ ее захвата «непорядочными людьми», нажившими средства незаконным путем, как, например, «многие кооператоры», опасались спекуляции лучшей землей «как при золотой горячке на Аляске», возрождения малоземелья в национальных окраинах, разрушения традиционного быта малых народов, говорили о невозможности все планировать из Кремля. В выступлениях депутатов – председателей колхозов, слышались неприкрытые угрозы оппонентам, например, определить на общем собрании колхозников, кто есть эксплуататор¹⁰⁶. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», ставшие результатом этих дебатов, представляли собой неустойчивый компромисс противоположных позиций¹⁰⁷. Земельный вопрос в ходе перестройки так и не был решен, а острые дебаты по нему, шедшие до принятия Конституции 1993 г. (закрепившей право частной собственности на землю), продолжаются и сегодня.

Таким образом, в дебатах 1989–1990 гг. собственность воспринималась скорее как идеологическое, чем правовое понятие; были представлены диаметрально противоположные подходы к соотношению государственной и частной собственности; назывались трудности реализации рыночных реформ в силу отсутствия представления о том, что такое рынок, опасения последствий этих реформ, исходя из идеологических фобий, а не рационального расчета, выявился конфликт собственности и справедливости, ставший основой традиционалистски мотивированного протеста. Это не решало проблемы перехода к новой экономической системе, но загоняло ситуацию в тупик.

Федерализм и национальное самоопределение: почему не удался поиск новой модели союзного государства

Одна из основных проблем XX в. – конфликт двух принципов международного права: единства государства и права народов на самоопределение. Способ решения проблемы – федерализм, а также различные формы культурной, национальной и административной автономии. В СССР тема федерализма оказалась связана с поиском идентичности в форме национализма и сепаратизма. Конструирование нового политического пространства требовало перехода от номинального советского федерализма к реальному, но закончилось не договором, а разрывом. Суммируем причины этого.

Во-первых, номинальный советский федерализм по существу им не являлся: СССР с юридической точки зрения был не федерацией, а конфедерацией (так как допускал право сецессии национальных республик), с фактической – представлял собой унитарное государство, определявшееся иногда как «империя». Констатировалось, что «у нас было унитарное государство, которое конституционно было федерацией, но по существу, по методам деятельности (не случайно мы говорим об административно-командной системе) это было унитарное государство»¹⁰⁸. Последнему автоматически противопоставлялось разделенное государство. Опасность дезинтеграции единого государства включала как внутренние так и внешние факторы – нарушение геостратегического, политико-правового и гуманитарно-экономического параметров в мире; крушение международного договорного права; распространение национальных и этнических конфликтов; борьба за ядерный потенциал СССР и угроза его передела; демографическая и экологическая катастрофы¹⁰⁹. Между тем констатация ситуации де-факто унитарного государства теоретически открывала различные пути его реформирования, вытекающие из международного опыта децентрализации – модели регионализации, основанной на рационально-административном делении территории государства (Франция); модели автономизации – наделения регионов правами широкой автономии в рамках унитарного государства (Испания), деволутивной модели, когда соответствующие полномочия делегируются из центра в регионы с возможностью последующего пересмотра или ограничения этих полномочий центром (Великобритания), и модели федерализации, исключающей или минимизирующей национальный критерий проведения

границ субъектов федерации в ее симметричной или асимметричной формах (ФРГ, США) в том числе в странах с чрезвычайно сложной национальной или этнической структурой (Индия, Бразилия, Мексика).

Принятие любой из этих моделей, как показали классики русской юриспруденции еще в начале XX в., когда встал вопрос о дезинтеграции Российской империи (Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский и др.), означало отказ от увязывания децентрализации с решением так называемого национального вопроса. Этого, однако, в ходе перестройки не произошло поскольку с самого начала реформ доминировала советская легитимность в решении этих вопросов, заключающаяся, во-первых, в идее обязательного перехода к федерализму даже в тех регионах, которые к этому были не готовы экономически и социально; во-вторых, в установлении связи образования субъектов федерации с национальными границами титульной нации; в-третьих, в выдвигании демагогического лозунга национального самоопределения (без фиксации какого-либо юридического механизма его осуществления). Эта установка, заложенная в структуру советского конституционализма, гипнотизировала сознание как реформаторов, так и их радикальных противников, и с самого начала исключала постановку вопроса об альтернативных моделях. Критика советской конструкции парадоксальным образом вела не к радикальному отказу от нее (что было бы вполне логично), но, напротив, к усилению ее деструктивного потенциала. «Почему мы за федерацию? – спрашивал Горбачев. – Другого пути мы не можем предложить». Альтернатива неэффективной советской конструкции усматривалась в «отказе от сталинской модели федерации, в которой декларировалась федеративность, а насаждалась унитарность: такова она, сталинская модель федерации»¹¹⁰. Исходя из этого, для преодоления угрозы распада считалось необходимым вернуться к аутентичной (так называемой ленинской) модели федерализма, которая, собственно, и подготовила этот распад. Такое ошибочное решение привело к общей неопределенности представлений о целях реформы, выразившихся в амбивалентной формулировке о «сохранении обновленной федерации». Отсюда сомнения многих участников дебатов: «Можно сохранить то, что есть, а то, чего нет, уважаемые коллеги, никак нельзя сохранить. Федерацию сначала надо обновить, и только после того, когда мы это сделаем, ее можно сохранить». Констатировалось, что такая туманная формулировка, как «обновленная федерация», «не способствует эффективности проведения референдума». По мере дезинтеграции государства остался без ответа вопрос, каковы принципы сохранения Союза и его государственное устройство: должна это быть федерация, конфедерация или экономический союз типа ЭЭВ? Эти вопросы обсуждались в связи с формулировками предмета референдума об отношении к сохранению СССР¹¹¹.

Во-вторых, решение принципиальной проблемы суверенитета как Союза, так и республик шло по той же линии советской легитимности, четко отразив ее основное внутреннее противоречие – между суверенитетом единого союзного государства и квази-суверенитетом его частей – национальных республик. Вопрос о сохранении союзного государства, ставший центральным на IV съезде народных депутатов (17–27 декабря 1990 г.), обсуждался в связи с сохранением самого названия СССР, целесообразности проведения референдума о его сохранении и возможности конструирования «обновленной федерации равноправных суверенных республик». Но еще ранее выявилась диаметрально противоположная трактовка основных понятий. Для одних суверенитет республик интерпретировался скорее как ограниченный, атрибуты которого исключают «автаркию» и «не противоречат принципам их объединения в единое федеративное государство», для других данное решение означало стремление правительства сохранить унитарное государство, «бесправие» республик¹¹². Правительству приходилось разъяснять существо реального выбора: либо речь идет о Союзе как федеративном государстве, либо «об экономическом союзе государств или (как некоторые уже говорят) стран по принципу Европейского сообщества»¹¹³. Приняв декларации о суверенитете (РСФСР сделала это 12 июня 1990 г.), союзные республики «решили, что они могут тем самым не выполнять принятых на себя обязательств»¹¹⁴. Возникал и вопрос: что

первично – эти декларации или Союзный договор – и насколько первые предreshают содержание второго, насколько правомерны предложения «об изменении роли и функций высших органов государственной власти с учетом принятых республиками деклараций о суверенитете», как обеспечить «реальный суверенитет республик» и прекратить «бесконечную бумажную войну с ним указов Президента»?¹¹⁵ Наконец, насколько правомерен тезис о том, что «за союзными республиками должно быть признано право приостанавливать исполнение актов органов государственного управления СССР на их территории в случае их несоответствия Конституции и законам республики»¹¹⁶. Если Горбачев предлагал чисто психологическое решение «формировать общесоюзное сознание, общее согласие, доказывать и доказывать, что разъединение чревато очень серьезными вещами»¹¹⁷, то его оппоненты – юридическое: «нам нужен полнокровный суверенитет»¹¹⁸.

В-третьих, детонатором дезинтеграции стало «право наций на самоопределение вплоть до отделения» – идея, положенная в основу конструирования СССР в рамках идеологии ленинизма и вызывавшая критику уже в момент ее провозглашения (в том числе со стороны леворадикальных оппонентов). Она служила в тот период достижению следующих политических целей: 1) решению внешнеполитических задач по созданию глобальной коммунистической федерации (или конфедерации), которая должна была возникнуть в результате всемирной революции, направляемой из России (предполагалось, что новые ее члены будут постепенно входить в состав Союза); 2) легитимации номинального федерализма как решения «национального вопроса» в рамках однопартийной диктатуры; 3) интеграции многочисленных национальных автономий в более крупные подразделения – союзные республики во главе с титульными нациями (для унификации и удобства управления). К началу перестройки все 3 цели утратили свое значение: идея всемирной федерации была отброшена вместе с коммунистической утопией; номинальный федерализм прекратил существование с юридической отменой однопартийной диктатуры и фактической утратой партийными структурами прежних рычагов влияния; интеграционный потенциал идеи был поставлен под сомнение в условиях роста конфликта борющихся за расширение объема прав союзных республик и опасавшихся утраты своих прав входивших в них автономий. Соотношение Центра, республик, автономий и права сепарации определило конфликтность законов СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»¹¹⁹ и «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»¹²⁰, обсуждение которых напоминало участникам «эффект динозавра» – стремление решить вопросы выхода республик до принятия полноценных законов о федерации¹²¹.

Анализ соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов раскрывает логику цепной реакции распада государства. Интеграционные тенденции выражались в так называемом Ново-Огаревском процессе – переговорах республиканских лидеров под председательством Президента СССР по проекту нового Союзного договора и определения порядка его заключения (май–июль 1991 г.). Они начались с Заявления «9+1» в рамках Подготовительного комитета, созданного в соответствии с решением IV съезда народных депутатов СССР и были призваны, по словам Горбачева, «ввести политический процесс в рамки законности функционирования созданных в результате перестройки легальных институтов демократии»¹²². В качестве легитимирующей основы этих переговоров выступал референдум 17 марта 1991 г., в ходе которого большинство граждан СССР высказались за сохранение и обновление союзного государства. На встрече руководителей делегаций республик в Ново-Огареве 23 июля констатировалось завершение работы над проектом Союзного договора, который был опубликован 15 августа 1991 г.¹²³ Его противники, однако, исходили из того, что данный Договор противоречит Конституции, означает юридическое признание конфедерации, фактическую дезинтеграцию страны и образование вакуума центральной власти. Августовский путч 1991 г. стал выражением данной позиции. Если сторонники ГКЧП интерпретировали путч как защиту Конституции и единства страны¹²⁴, то их оппоненты определяли его как государственный переворот¹²⁵. V (и последний) съезд народных

депутатов, собравшийся уже после путча в сентябре 1991 г., никак не повлиял на ситуацию и фактически объявил о самороспуске. Дезинтеграционные процессы, ускоренные борьбой честолюбив Горбачева и Ельцина¹²⁶, завершились, как известно, распадом СССР и подписанием Беловежских соглашений, практическая неизбежность которых вытекала из логики развития событий, но юридическая правомерность неоднократно ставилась под сомнение¹²⁷. Теоретические альтернативы распаду в виде интеграции союзных структур под руководством российского президента, либо восстановления союзного центра силовым путем расценивались как «призрачные»¹²⁸, а основным условием достигнутого компромисса стал отказ союзных республик от ядерного арсенала в пользу России¹²⁹. 8 декабря 1991 г. руководители России, Украины, Белоруссии как государств-учредителей СССР (подписавших Союзный договор 1922 г.) констатировали что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование», а «высокие договаривающиеся стороны образуют Содружество независимых государств»¹³⁰.

Соперничество доктрины договорной федерации (представленной в проектах Союзного договора, а затем в Федеративном договоре РФ 1992 г.) и конституционной федерации завершилось с принятием Конституции России 1993 г., «носителем суверенитета и единственным источником власти» в которой были признаны уже не республики, а «ее многонациональный народ», что окончательно исключало риторику о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Политический процесс развивался уже не по линии национальной дезинтеграции, но скорее в рамках этнополитического маятника¹³¹. Но если такое решение стало возможно для России, почему оно не было возможно для СССР?

Демагогические декларации советских конституций, предоставлявшие «права народам» (причем даже тем, которые в них не нуждались и исторически не были подготовлены к самоопределению в форме субъектов федерации), блокировали принятие рациональной концепции «обновленной федерации». Она теоретически могла бы включать введение новых принципов федерализма: пересмотр искусственных границ регионов в соответствии с их экономическим вкладом; наделение их различным статусом и выстраивание их иерархии по степени объема предоставляемых прав, понижение статуса соответствующих регионов до уровня культурных или языковых автономий; наконец, правовое решение проблемы выхода автономий из соответствующих республик. Проблематичность практического решения дилеммы определяется психологическим фактором: трудно (если вообще возможно) отобрать однажды представленные национальным регионам права. Повернуть ситуацию дезинтеграции вспять можно было, следовательно, лишь приняв совершенно иную концепцию гражданской (а не национально ориентированной) федерации и выстроив всю политику по общегражданским приоритетам, что не удалось сделать в масштабах СССР, но отчасти получилось в масштабах России. Ключевым фактором этого тренда стал распад союзной элиты по национальному признаку и ослабление политической роли институтов центральной государственной власти.

Демократия и авторитаризм: парламент, правительство и президент переходного периода

Конструирование новой политической системы требовало ответа на вопросы о форме правления и структуре институтов власти: номинальный или реальный конституционализм, «советский» парламентаризм или «нормальный», парламентская или президентская республика, статус главы государства и его прерогативы – вопросы, не получившие правового решения в предшествующей истории страны¹³².

С самого начала реформ, уже на I съезде народных депутатов СССР возник вопрос о том, каков должен быть новый парламент, сохранять свою прежнюю советскую природу или стать профессиональным. Одни в советских традициях считали, что в этой роли должен выступать Съезд народных депутатов, поскольку «мы сами парламент»,

а избираемый им Верховный Совет необходимо рассматривать в качестве «исполнительной работающей части парламента», способной профессионально «писать законы, отстаивать интересы, противостоять бюрократии». Данная конструкция переносилась на республиканские «парламенты», выстроить отношения с которыми признавалось важным для прекращения «войны законов». При такой постановке проблема сводилась к тому, чтобы решить «вопрос о конкретном распределении функций между Съездом народных депутатов СССР, ВС СССР, Председателем ВС СССР и Правительством СССР»¹³³. Другая позиция заключалась в отказе от старой системы, при которой Съезд «будет собираться два раза в год и штамповать ранее подготовленные аппаратом законы» и введении «работающего, постоянно действующего парламента, который нашим съездом должен быть избран» в форме ВС¹³⁴. Однако именно уровень квалификации и профессионализма депутатов представительных институтов советского типа рассматривался оппонентами как неадекватный для решения стоящих перед ними задач, позволяя говорить об «агрессивно-послушном большинстве» и «сталинско-брежневском Верховном Совете»¹³⁵. Из этого раскола позиций теоретически следовал вывод о необходимости отказа от суррогатных советских форм представительства и переходе к полноценному парламенту, действующему на постоянной и профессиональной основе и способному выявить степень поддержки различных платформ. Согласно официальному разъяснению, речь шла о коренной реорганизации исполнительной власти Союза ССР с подчинением ее Президенту и созданием Кабинета министров, в котором должны быть проведены крупные структурные и кадровые изменения, в частности введена должность вице-президента. Предполагалось «четко определить полномочия в связи с взаимоотношениями ВС СССР с кабинетом министров и Президентом, потому что Президент становится главой исполнительной власти»¹³⁶.

Постановка этой проблемы делала необходимым изменение формы правления – отказа от однопартийной диктатуры в виде «республики советов» и принятия идеи разделения властей, автор которой, Монтескье, как писал Горбачев, «исходил из задачи ограничить всевластие монарха, сохранив при этом достаточно сильную власть, способную обеспечить целостность государства и нормальную жизнедеятельность общества». Эта цель после упразднения «ядра политической системы», каковым являлась партийная монополия на власть, достигалась введением президентской республики. Данный вывод был сделан не сразу. Горбачев описывает свои колебания по проблеме, так как первоначально он верил в то, что «основой нашей политической системы остается система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден». Он опасался возможного развития конфликтов между тремя ветвями власти, а также того, что новый пост не будет адекватно воспринят народом. Решающим аргументом в пользу введения поста Президента стали «причины чисто психологического свойства» – сходства данного института с властью монарха или «безраздельной властью» Генерального секретаря, к которой народ привык в СССР. Укреплению авторитета высшей власти служило создание Совета Федерации и Президентского совета – этого своеобразного эквивалента Политбюро в новой политической системе. «Такое решение, – писал Горбачев, – созрело еще осенью 1989 года, но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу, затем советовались со специалистами, после чего группа юристов (Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин и другие) засела по моему поручению за подготовку необходимых документов, прежде всего проекта закона об изменении Конституции СССР»¹³⁷.

Дискуссия по проекту закона СССР об учреждении поста Президента СССР и внесении в связи с этим необходимых изменений и дополнений в Конституцию СССР¹³⁸, развернувшаяся на III сессии ВС СССР 27 февраля 1990 г., выявила прежде всего профессиональную неготовность участников дебатов, большинство из которых, по-видимому, смутно представляли различия форм правления – парламентской, президентской и смешанной, а тем более различные варианты президентских систем. Они опирались на аморфный конгломерат идей – высказывания Ленина, идеи XIX партконференции, обсуждение несостоявшейся хрущевской Конституции 1964 г., либо предлагали «очень

простую схему нашей политической системы, которая взята из опыта современной цивилизации» (нисколько не раскрывая вариативности этого опыта)¹³⁹. Разъяснение депутата А.А. Собчака о том, что этот принципиальный вопрос не может решаться в спешке, на внеочередном съезде, но требует «очень серьезной подготовки для внесения кардинальных изменений в Конституцию, перераспределения функций исполнительной власти, определения новых функций правительства, Президента, законодательных органов», а ошибки в его решении «приведут к усилению исполнительной власти, как это уже бывало в истории нашей страны, и к уменьшению власти законодательной»¹⁴⁰, не вызвало никакой реакции у участников обсуждения. В конечном счете, однако, вопреки решению Межрегиональной депутатской группы (МДГ) принял президентскую систему и поддержал выборы президента на Съезде, учитывая опасность отстранения Горбачева от власти партией в случае его неизбрания¹⁴¹.

Были представлены 3 основных позиции, мотивированные в основном политическими (а не юридическими) аргументами: за принятие президентской системы, отказ от нее, и компромиссный вариант – введение поста Президента при соблюдении ряда условий. Согласно первой позиции, смысл введения института президентской власти заключался в том, что он представляет «диалектическую антитезу коллективным органам власти», «органические пороки которых» стали очевидны в советский период, «отвечает духу времени – стране нужен порядок, основанный на Конституции», переход от номинальной советской власти к усилению «правовой стороны государства», преодолению вакуума власти, ее «рыхлости и аморфности» в условиях, когда «партия перестает играть роль аппарата непосредственного государственно-хозяйственного управления»¹⁴². Отстаивавшие вторую позицию противники президентской власти, усматривали ее основной недостаток в возрождении авторитаризма, а выход – в парламентской форме правления. Наиболее решительные сторонники такой позиции происходили из стана партийных консерваторов, надеявшихся сохранить советскую модель «коллективного руководства» в измененной форме, и справедливо полагавших, что введение института сильного Президента положит конец этим планам, но также – из стана их радикальных оппонентов по МДГ, усматривавших в этом институте попытку «узаконивания чрезвычайной власти одного человека». Горбачев сравнил их подход с позицией «бешеных» Французской революции во главе с Эбером – Ру¹⁴³. Третья позиция допускала введение президентской власти в рамках функционирующей системы сдержек и противовесов в виде сильного парламента и независимой судебной власти, исключающих опасность «концентрации и сверхконцентрации властных полномочий». К числу предварительных условий принятия президентской модели относились создание союзного парламента (наподобие Европарламента), предварительное согласие Верховных советов республик; решение ими вопроса об объеме полномочий, которые они готовы делегировать Президенту СССР; осуществление выборов президента всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием «из нескольких кандидатур и на многопартийной основе»¹⁴⁴. Оговаривалась необходимость законодательного ограничения прерогатив главы государства в области государственной безопасности и введения чрезвычайного положения или возможность растянуть политическую реформу во времени – переходить к президентской системе «по мере того, как будет у нас развиваться процесс становления всех демократических институтов политической и государственной власти»¹⁴⁵. Наконец, прибалтийские республики, занятые исключительно обеспечением национального суверенитета, заявили об отказе от участия в обсуждении и голосовании по вопросу о введении поста президента¹⁴⁶. Отсутствие консенсуса по важнейшему элементу политической реформы в СССР стало едва ли не основной причиной неэффективности переходной системы власти.

Конструирование новой политической системы: борьба за власть и введение поста президента

Классическая проблема неинституциональной теории – соотношение общественных установлений, нормативных рамок и реальных «правил игры», фиксирующих превалирующий способ мысли и действия¹⁴⁷. В радикально меняющемся информационном пространстве между этими параметрами возникает противоречие, которое может быть снято только на когнитивном уровне – полноценной интерпретации смысла новых институтов и их функций, конструирования их правовых форм и направленной конституционной инженерии: обеспечения адекватных механизмов новой мотивации поведения. В этом – суть перехода от авторитаризма к демократии и последующей демократической консолидации. Ключевой вопрос переходного периода – прерогатив старых и новых институтов власти – был связан с определением соотношения постов Генерального секретаря, председателя Верховного Совета и Президента. Предложения Горбачеву по этому вопросу сводились к следующему: сложить с себя пост Генерального секретаря, поскольку «совмещение постов» т.е. концентрация двойной власти в одних руках, в лице одного человека «противоречит принципам правового государства и демократии»¹⁴⁸, и наоборот, что он должен оставаться на этом посту для сохранения контроля над партаппаратом, даже прямому требованию к нему остаться на двух должностях¹⁴⁹. Третья позиция в этом споре – совмещение постов как временная мера, до проведения демократических выборов в советы или завершения «перехода власти» от партии к советам, поскольку в переходный период «нельзя разделить Горбачева от партии, а партию от народа»¹⁵⁰. Данная позиция получила поддержку иностранных экспертов, усматривавших в сохранении Горбачевым власти гарантию от возврата назад¹⁵¹. В этих позициях выражены различные стратегии решения «вопроса о власти», состоящего в соотношении постов главы государства и лидера правящей партии¹⁵². В данном споре «партийные фундаменталисты» и «межрегиональщики» выступили единым фронтом за конституционную поправку о запрещении Президенту возглавлять политические партии, но она не собрала квалифицированного большинства и была отвергнута. «В какой-то момент, – констатировал Горбачев, – стало очевидно, что подавляющее большинство депутатов поддерживает учреждение президентского поста и избрание первого Президента на съезде»¹⁵³. Итогом дискуссии стало соответствующее постановление ВС СССР¹⁵⁴ и последующее принятие закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» (14 марта 1990 г.). Данное решение предполагало определение соотношения между союзной властью и республиками, необходимость обеспечения «противовесов законодательной, исполнительной, президентской и правительственной власти и других институтов», переход к всенародным выборам президента и внесение изменений в Конституцию¹⁵⁵.

Проведение политической реформы в обстановке острой борьбы за власть имело 3 негативных последствия, способствовавших дезинтеграционным процессам. Первым из них стало распространение модели президентской власти на союзные республики: «Не буду скрывать, – отмечал Горбачев, – в мои расчеты, конечно же, не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти». Однако он подчеркивал вынужденность этого шага: «Попытка оспаривать разумность такого подхода могла лишь возбудить страсти и привести к тому, что изменения в Конституции не получили бы требуемого квалифицируемого большинства. Поистине тогда (в который раз!) я убедился, что политика есть “искусство возможного”»¹⁵⁶. Другим негативным (а по мнению некоторых, решающим для дезинтеграции страны) следствием стало сужение объема легитимности союзного Президента, избранного на Съезде, а не на всенародных выборах (в отличие от избрания президентов республик, прежде всего России)¹⁵⁷. Вопрос о выборах главы государства всеобщим голосованием или на Съезде, на альтернативной или безальтернативной основе постоянно

был предметом острых споров. В ходе них крайние группы (партийные консерваторы и радикалы) выступали, хотя и по противоположным причинам, за прямые выборы на альтернативной основе. Окончательное решение в пользу непрямых выборов было принято Горбачевым из-за риска утраты власти при иной схеме: «Ибо это трусость была бы в такое время уходить. Это хотят выбить из колеи нынешнее руководство. Это не пройдет, это расчет на слабонервных»¹⁵⁸. Третьим негативным следствием стала эрозия власти союзного Президента, поскольку для одних политических сил он пошел на слишком большие уступки в сторону децентрализации, для других – добился сверхконцентрации полномочий. Противоположное отношение к усилению персоналистских черт режима проявилось в дебатах по законопроекту «О защите чести и достоинства Президента СССР»¹⁵⁹, в ходе которых одни подчеркивали необходимость охраны его символического статуса, говорили об ответственности СМИ за «клевету» и «оскорбления», в то время как другие указывали на возможность «очень серьезного ущемления гласности»¹⁶⁰. В этом контексте некоторые полагали, что нужно вести речь не о защите главы государства, а от него, «если ему вдруг начнут сниться сны Сталина» и предлагали введение американской процедуры импичмента. Другие считали требование импичмента преждевременным, «из области мечты», ибо в его традиционной российской формуле это «монархия, ограниченная удавкой», причем реализоваться оно способно наподобие переворота 14 октября 1964 г.¹⁶¹

Обращает на себя внимание сходство причин введения поста Президента в СССР и России при различных результатах. «Президент и президентская система, – говорил Ельцин, фактически повторяя аргументы Горбачева, – нужны России для того, чтобы законы и программы воплотились в жизнь»¹⁶². Вопрос был решен постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об утверждении Закона РСФСР “О Президенте РСФСР”»¹⁶³. Последующее укрепление президентской системы в России стало возможно в результате перенесения в Россию модели организации власти, созданной Горбачевым (вместе с теми спорами, которые велись в ходе ее разработки), но с учетом его ошибок. Следуя своему принципу принимать решения в тайне и реализовывать их «быстро»¹⁶⁴, Ельцин добился силового разрешения конституционного кризиса 1993 г., позволившего отстранить оппозицию от власти, конституционно закрепить близкие к монархическим полномочия главы государства, вести длительную и изнурительную, но, как оказалось, эффективную борьбу с региональным сепаратизмом¹⁶⁵.

Механизм развития кризиса и упущенные возможности его преодоления

Общая причина крушения СССР состоит в неадекватности принятой элитой концепции преобразований господствующим когнитивно-информационным установкам общества, с одной стороны, и порожденным реформой завышенным социальным ожиданиям – с другой. Отказ от ценностей старого порядка безусловно определялся новой ситуацией в мире, позднее названной «глобализацией», связанной с доминирующей ролью транснационального информационного феномена, невозможностью продолжающегося сохранения закрытости системы от внешнего мира. Следствием стали крушение старой картины мира, коммунистической идеологии в ее советской версии и осознание невозможности модернизации системы в прежних формах закрытого (автаркического) государства с широким применением манипулирования социальной психологией и принудительных мобилизационных технологий. Мощный рывок к свободе, сделанный Горбачевым, был одновременно необходимым, разумным и гуманным шагом, позволявшим выйти из тупика однопартийной диктатуры мирным путем¹⁶⁶. Однако необходимое и единовременное открытие страны мировым информационным процессам (в рамках «нового мышления») оказалось деструктивным фактором в силу неподготовленности общественного сознания, руководствовавшегося архаичными традиционалистскими установками, усиленными стереотипами коммунистической идеологии. Поэтому одним из результатов информационной открытости, на который не рассчитывали реформаторы, стал культурный шок, напоминавший тот, который приводил

к крушению традиционных восточных деспотий после их открытия европейцами, и когнитивный диссонанс – жесткий раскол общества в отношении принятия новых (западных) ценностей, легитимности режима (в связи с разоблачением его преступлений) и выбора стратегии преобразований.

В ситуации неустойчивого равновесия важным проявлением когнитивного сбоя в системе стало отсутствие у реформаторов полноценной концепции преобразований, включающей не только их общую идею (которая в известной мере присутствовала), но понимание масштаба и границ необходимых преобразований (они расширялись по мере выдвижения новых целей). Отсутствовал план проведения реформ, определяющий цели, этапы, сроки их проведения, калькуляцию социальных издержек и ожидаемых результатов, а также продуманных технологий реализации, в том числе с учетом трудностей и соответствующей оппозиции. Приоритет идеологического конструирования над прагматическим; ретроактивная направленность преобразований – их обращенность не в будущее, а в прошлое (наивная вера в возможность реанимировать идеологию путем обращения к ее истокам и ориентация на прошлый опыт вместо современного) породил компромиссный характер основных установок, стремившихся противоречиво сочетать старые когнитивные стереотипы и новые идеи, а главное – преобладание импровизации над планомерным осуществлением реформ. Это обусловило потерю времени (критически важного в условиях радикальных изменений, ибо длительность переходного периода выступает самостоятельным фактором успешной демократической консолидации); экономическую дезинтеграцию (переход к рынку в условиях отсутствия адекватной инфраструктуры и утраты государственного контроля вел к хозяйственной разобщенности регионов, а не к формированию конкурентной экономики и новой мотивации труда); институциональную дисфункцию (прежние институты утратили контроль, а новые не начали полноценно функционировать и давали сбой по всем значимым направлениям) и утрату первоначального когнитивного доминирования реформаторов в обществе.

Результатом стал запуск спонтанного механизма саморегуляции системы в условиях разворачивающегося кризиса – конфликта позитивного права и справедливости, порождающего циклическую динамику реформ. Первая их фаза в ходе перестройки (1985–1988 гг.) характеризуется выраженным феноменом «завышенных ожиданий», представлением о возможности быстрого и радикального преобразования общества с минимальными социальными издержками. Этой фазе были свойственны относительная гомогенность элиты и стабильность установленных правил игры. Основной фазы преобразований (1989 г.) стало осознание «относительной депривации», возникновение ситуации психологического ощущения дискомфорта (социального разочарования) в условиях относительного (а не абсолютного) ухудшения социально-экономического положения населения по сравнению с предшествующим периодом развития государства и другими странами. В этих условиях происходит не отказ от реформ, а требование изменения формата их проведения (принятия «новой концепции» перестройки) в направлении большей радикализации.

Экспансия социальных ожиданий очень быстро привела к неудовлетворенности общественности достигнутыми уступками власти и расширению ее требований: от корректировок идеологии – к отказу от нее; от идеи многоукладной экономики – к единовременному переходу к рыночной; от совершенствования федеративной модели – к ее отрицанию во имя национальной суверенитета; от умеренных конституционных реформ в рамках советской легитимности – к требованиям «парламентской республики» (чрезвычайно спорной в условиях несформировавшегося федерализма и реальной многопартийности). Наконец, со стороны оппозиции усилилась критика самих институтов власти как с точки зрения их формирования, так и направлений деятельности. Эта фаза характеризовалась выраженным расколом элиты на реформаторов, консерваторов и умеренных, ожесточением их столкновения по вопросу о перспективах преобразований. Третья фаза такого цикла (1990–1991 гг.), обычно связанная с победой одного из крайних направлений и отстранением других групп от власти, в условиях перестройки

была деформирована децентрализацией и трансформировалась в распад страны (с сохранением у власти действующих правящих кланов). Запуск этого механизма означает потерю элитой, инициировавшей преобразования, контроля над ситуацией, ведет к радикальному социальному перевороту и воспроизводству новой стабильности ценой значительных социальных издержек.

Возможность остановить эти процессы на начальной стадии или в ходе разворачивания кризиса ограничивалась когнитивным редукционизмом элиты – стремлением свести объяснение изменившейся реальности к привычной аналитической схеме, ответить на новые вызовы в рамках старой системы аргументов. При отсутствии адекватных схем когнитивной и социальной адаптации в условиях глобализации, а также системы обратных связей между обществом и политической властью, способных ввести их в действие, поиск идентичности социальными группами и их крайними идеологами мог идти только по линии ретрадиционализации – отработки тех традиционных информационных моделей мобилизации и стереотипов сознания, которые действовали ранее, причем именно по тем направлениям, которые в предшествующий период давали импульс массовой социальной и когнитивной адаптации. Имитационные когнитивно-информационные конструкции прошлого оказались основой реальной политической социализации настоящего. Практическим выражением этого противоречия стало, во-первых, использование декларативных конструкций советского номинального конституционализма (вроде «передачи власти» от партии к советам) для достижения реальных целей конституционной реформы – формирования институтов представительной власти, многопартийности и модернизации государственного управления. Это отражено в неизбежном использовании эвфемизмов («социалистическая демократия», возвращение к «ленинским нормам», «многоукладной экономике», общественному «плюрализму», «гласности» и т.п.) для объяснения подлинных целей реформы (переход к демократии, деидеологизированному правовому государству, гарантиям частной собственности, многопартийности, отмене цензуры и другим «нормальным» конституционным принципам, которые к тому же сами находились в процессе обсуждения). Во-вторых, принципиальным деструктивным фактором явилось сохранение и актуализация архаичной установки о связи федерализма с решением национального вопроса. Система советского квази-федерализма начала пересматриваться не в рамках современных концепций гражданской нации и форм государственного устройства (полноценного федерализма, деволюции или автономизации), но как торжество советского фетиша «права наций на самоопределение вплоть до отделения» (5 проектов Союзного договора завершились туником «конфедеративного государства»); наконец, распад интеграционных механизмов Союза осуществлялся под флагом национализма и сформировавшейся негативной информационной идентичности элит (в первую очередь российской) по отношению к союзному центру.

В результате поиск идентичности (за отсутствием новых когнитивных схем) оказался возможен исключительно в регрессивной форме (раскола элиты по национальному признаку) и изначально был ориентирован на дезинтеграцию по линиям, маркированным границами и представлениями советского квази-федерализма. О том, что эти процессы не были фатальны, свидетельствует не только опыт других многонациональных государств, но и постсоветской России, где удалось (хотя и с большими издержками) остановить сценарий распада. Несомненно, что соотношение интеграционных и дезинтеграционных процессов могло иметь другой результат – если не сохранение федерации, то ее ядра, вокруг которого могли группироваться другие союзные республики в качестве своеобразных протекторатов (что подтверждается опытом Великобритании и отчасти современными тенденциями на постсоветском пространстве). В-третьих, оказалось невозможным предотвратить кумулятивное соединение всех противоречий воедино, что гипотетически позволяло разделить их решение во времени, отложив наиболее конфликтные вопросы на будущее (как это было продемонстрировано некоторыми реформаторами в других странах от США периода «Нового курса» до Китая эпохи Дэн Сяопина). Возник эффект снежной лавины: радикальные изменения сознания требовали пересмотра государственной идеологии, но последнее означало необходимость отказа от основ номинального конституционализ-

ма и цементирующей роли партии. Формирование новой политической системы оказалось невозможным в условиях вакуума власти и требовало создания альтернативных демократических институтов, функционирующих в системе реальных выборов и разделения властей. Однако предпринятый для этого созыв Съезда народных депутатов (не предусмотренный действующей Конституцией) и проведение на нем дискуссии по ключевым вопросам реформационной повестки (предусмотренной в ограниченной степени) способствовали выходу внутривластной дискуссии в публичную сферу, что вело к сокращению ресурса легитимности политической системы и новых институтов власти, росту популизма, когнитивному диссонансу и мобилизации крайних элементов политического спектра, причем формирующиеся протопартийные группировки оказались вынуждены искать поддержку в различных его сегментах.

Раскол общества и элиты охватил ключевые вопросы, неразрешимые в рамках традиционной когнитивно-информационной картины мира – идеологии, рыночной экономики и национальных отношений, но выдвинутая концепция их решения не предлагала содержательной модели быстрого решения. Это порождало нетерпение, разочарование, с одной стороны, популизм и радикализацию требований – с другой. Соединение этих направлений раскола привело к выдвиганию на первый план идеологии национализма, поскольку она предлагала наиболее простую формулу решения, опиралась на официальную доктрину и советскую конституцию, легитимировала претензии на власть и собственность со стороны региональных элит, позволяя им в то же время поддерживать контроль над автономными областями в республиках. Противостоя союзному центру, республики вступали в противоречия как с центром, так и друг с другом – прежде всего набиравшей силу Россией. Ключевой политической элемент конструирования новой идентичности – введение института Президента СССР и создание его аналогов в республиках (причем на более широкой легитимирующей основе всенародных выборов). Окончательный удар всей системе стал возможен в результате острого конфликта внутри элиты – Августовского путча, приведшего к фактической утрате легитимности и власти союзным правительством.

Таким образом, логика развития кризиса СССР определяется информационно-когнитивными процессами и включает некоторые (хотя и не все) элементы «теоремы Токвиля» – отказ от ценностей «старого порядка»; культурный шок и когнитивный диссонанс по отношению к прошлому и будущему политическому устройству; феномен завышенных ожиданий; их кризис в условиях роста относительной депривации; подъем фрустрации и агрессии как его следствие; консолидация полярных центров влияния – радикалов и консерваторов, выступающих за реставрацию; а главное – вакуум центральной власти и кумулятивное соединение всех трудностей в результате утраты рычагов контроля над ситуацией со стороны Центра (потеря времени).

Этот анализ позволяет уточнить предлагаемые в литературе определения данных процессов. Перестройка не была социальной «революцией» в собственном смысле слова, поскольку не выдвинула принципиально новой картины мира, мессианской идеологии, годной на экспорт (в отличие от других великих революций), не привела к качественной смене элиты (что является признаком настоящей революции) и завершилась не консолидацией на новых принципах, но дезинтеграцией; но она не была и «реформой» или «революцией сверху» (в отличие от Великих реформ 1860-х гг.), поскольку произошел срыв постепенных и управляемых преобразований и возобладали спонтанные процессы саморегуляции и распада системы. Не была она и «реставрацией» (или «Термидором») в классическом смысле слова, поскольку не привела к возрождению дореволюционных порядков и не ставила себе этой цели. Наиболее адекватным историческим аналогом этих процессов следует считать Реформацию – широкое общественное движение, иногда именуемое «религиозной революцией», которое началось с выступлений религиозных диссидентов против индulgенций, привилегий и коррупции аналога КПСС того времени – католической Церкви. Радикальные преобразования сознания в ходе перестройки сходным образом осуществлялись в направлении его рационализации, при сохранении, однако, старых институтов и правящей элиты,

что открывало путь последующей ретрадиционализации и реставрации авторитаризма в модернизированных формах¹⁶⁷.

Советский Союз, возникший на руинах Российской империи, в отличие от нее умер естественной и тихой смертью. Чудом является не распад СССР, а столь длительное его сохранение, противоречащее не только законам экономики, но и природе человеческого разума (основная причина долголетия – в сдерживающем факторе ядерного оружия). Он не был «развален» злонамеренными людьми, но распался в результате осознания (и официального признания) противоестественности и неэффективности тех когнитивно-конструктивистских моделей, которые изначально были положены в его основу. Они не выдержали испытания временем, подобно грубо и наспех сколоченному дому, механическое поддержание целостности которого со временем теряет всякий смысл. Основным доказательством данного положения стало то, что никто не встал на защиту этого дома в момент его обрушения. Возможности консолидации политической системы в качественно новых формах были утрачены в результате отсутствия адекватного понимания элитой подлинных механизмов ее устройства, институциональных параметров и последовательного планомерного реформирования с учетом глобальных информационных процессов. Распад данной системы в результате преобладания центробежных тенденций над центростремительными стал неизбежен в условиях глобализации конца XX в., что не исключает, конечно, появления новых более успешных интеграционных проектов на евразийском пространстве в будущем. Россия стала свободной страной ценой распада исторически созданного ею единого государства. Это была очень высокая цена. Но кто знает, сколько стоит свобода?

Примечания

¹ Тацит К. *Анналы*. СПб., 1993.

² Августин Блаженный. *О Граде Божием*. М., 2000.

³ Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*. М., 1996.

⁴ *Монтескье Ш.Л. Размышления о причинах величия и падения римлян*. М., 2002. С. 305–308.

⁵ Гиббон Э. *История упадка и разрушения Римской империи*. Т. 1–6. СПб., 1997.

⁶ Гумплович Л. *Общее учение о государстве*. СПб., 1910.

⁷ Гобино Ж.А. де. *Опыт о неравенстве человеческих рас*. М., 2001.

⁸ Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. М., 1993.

⁹ Моммзен Т. *История Рима*. Т. 2. М., 1935. С. 315.

¹⁰ Вебер М. *Аграрная история древнего мира*. М., 2001.

¹¹ Ростовцев М.И. *Рождение Римской империи*. Пг., 1918.

¹² *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Harmondsworth, 1985.

¹³ *The Rise and Fall of Soviet Union. A Selected Bibliography of Sources in English*. L., 1992.

¹⁴ *Перестройке 25 лет. Историческая память современной России*. М., 2010.

¹⁵ *Comparative Imperiology*. Hokkaido, 2010.

¹⁶ Кеннеди П. *Возвышение и упадок великих держав*. М., 1998.

¹⁷ Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М., 2007.

¹⁸ Hosking G. *Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union*. L., 2006.

¹⁹ Carrere d'Encausse H. *The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations*. N.Y., 1993.

²⁰ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2001.

²¹ Кантелер А. *Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад*. М., 2000.

²² *Национализм в мировой истории*. М., 2007.

²³ *Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина*. М., 2004.

²⁴ Гайдар Е.Т. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М., 2006.

²⁵ *Крыштановская О. Анатолия российской элиты*. М., 2004. С. 375.

²⁶ Геллер М., Некрич А. *Утопия у власти*. М., 1990.

²⁷ Алексеев В.В., Алексеева Е.В. *Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история*. 2003. № 5. С. 3–20.

- ²⁸ См., например: *Рыжков Н.* Перестройка: история предательств. М., 1992; *он же.* Трагедия великой страны. М., 2007.
- ²⁹ *Stoner-Weiss K., McFaul M.* Domestic and International Influences on the Collapse of the Soviet Union // Working Papers. 2009.
- ³⁰ *Brown A.* The Gorbachev Factor. N.Y., 1997.
- ³¹ *Козн С.* Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза. М., 2007.
- ³² *Пухоя Р.Г.* Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 404.
- ³³ *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Там же. С. 599.
- ³⁴ *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 52–53.
- ³⁵ *Медушевский А.Н.* Причины распада СССР с позиций когнитивно-информационной теории // Перестройке 25 лет... С. 25–32.
- ³⁶ *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
- ³⁷ XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 46–71; Т. 2. М., 1988. С. 135–175; Первая сессия Верховного Совета (далее – ВС) СССР. Стенографический отчет. Ч. X. М., 1990. С. 44.
- ³⁸ Третья сессия ВС СССР. Ч. XVIII. М., 1990. С. 81–82.
- ³⁹ Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. М., 1989. С. 77.
- ⁴⁰ *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1978.
- ⁴¹ *Сахаров А.Д.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1996.
- ⁴² Когнитивный диссонанс – эмоциональное состояние, возникающее, когда у человека одновременно имеются некоторые установки или знания, несогласующиеся между собой, или когда возникает конфликт между убеждениями и внешним поведением (*Рибер А.* Большой психологический словарь. Т. 1. М., 2001. С. 356).
- ⁴³ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. VI. М., 1989. С. 83.
- ⁴⁴ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. М., 1990. С. 211.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. М., 1990. С. 183.
- ⁴⁷ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 212.
- ⁴⁸ *Лигачев Е.К.* Избранные речи и статьи. М., 1989; *он же.* Предостережение. М., 1999.
- ⁴⁹ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 108; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 217.
- ⁵⁰ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. М., 1989. С. 182–183, 185.
- ⁵¹ Там же. Т. VI. С. 203.
- ⁵² Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 61–62.
- ⁵³ *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 2008. С. 15.
- ⁵⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. С. 112 и др.; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 135. Позднее эти идеи были экстраполированы на весь российский исторический процесс (*Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М., 2001).
- ⁵⁵ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. С. 448; Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 79.
- ⁵⁶ *Яковлев А.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальность. М., 1991. С. 193.
- ⁵⁷ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 86; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 35–39.
- ⁵⁸ *Черняев А.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2010.
- ⁵⁹ *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; *Медведев В.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994.
- ⁶⁰ *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 2–4. М., 2003.
- ⁶¹ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 57–59.
- ⁶² *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 281.
- ⁶³ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 45.
- ⁶⁴ *Crouch M.* Revolution and Evolution. Gorbachev and Soviet Politics. N.Y., 1989; *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms, 1985–1990. N.Y., 1991; *Hough J.F.* Democratization and Revolution in the USSR. 1985–1991. Washington, 1997; *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change. N.Y., 2001; *Hahn G.M.* Reform, Transition and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime.

New Brunswick, 2002; *Freeze G.L.* A Modern «Time of Troubles». From Reform to Disintegration. 1985–1999 // Russia. A History. Oxford, 2009.

⁶⁵ Судьбы реформ в России. М., 1997; *Согрин В.В.* Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005; *Герасимов Г.И.* История современной России: поиск и обретение свободы (1985–2008). М., 2008; и др.

⁶⁶ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. М., 1989. С. 326–327.

⁶⁷ Там же. Т. I. С. 9–10.

⁶⁸ Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. М., 1989. С. 31.

⁶⁹ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1990. С. 135.

⁷⁰ Там же. С. 139.

⁷¹ *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М., 1991.

⁷² Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 454.

⁷³ *Амальрик А.* Записки диссидента. М., 1991. С. 329.

⁷⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 305.

⁷⁵ Там же. Т. II. С. 225.

⁷⁶ *Новодворская В.И.* Над пропастью во лжи. М., 1998.

⁷⁷ Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 133.

⁷⁸ Второй съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 453.

⁷⁹ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 5.

⁸⁰ Политические партии, неформальные самодельные организации и независимая пресса СССР (каталог-справочник). М., 1990; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Кн. 1–10. М., 1992–1993; Партии, движения и объединения России (справочно-аналитический сборник). М., 1993; и др.

⁸¹ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. VI. М., 1989. С. 7; Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 26–27.

⁸² Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 23; Т. III. С. 398.

⁸³ Там же. Т. I. С. 24, 28.

⁸⁴ Там же. С. 29–30.

⁸⁵ Там же. С. 35, 430; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 163.

⁸⁶ О формировании структуры государственного управления в данной системе см.: *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. М., 1994.

⁸⁷ *Попов Г.* Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

⁸⁸ *Оников Л.А.* КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.

⁸⁹ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. М., 1990. С. 24.

⁹⁰ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 316. Т. II. С. 170; Третья сессия ВС СССР. Ч. XII. М., 1990. С. 86–87; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. С. 24–25.

⁹¹ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 81–82.

⁹² *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 483.

⁹³ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. X. С. 183–194.

⁹⁴ Там же. С. 183–185.

⁹⁵ *Lynch A.C.* How Russia is not Ruled: Reflections on Russian Political Development. Cambridge, 2004.

⁹⁶ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. С. 119.

⁹⁷ *Абалкин Л.И.* Спасти Россию. М., 1999.

⁹⁸ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 80–85, 89.

⁹⁹ Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 158.

¹⁰⁰ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 115, 128–129, 136–137, 168.

¹⁰¹ Там же. С. 95–96, 109, 117, 122, 135, 268.

¹⁰² Там же. Ч. XIX. М., 1990. С. 45–55.

¹⁰³ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 171; Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 168.

¹⁰⁴ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 173, 175, 270–271.

¹⁰⁵ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 112; Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 243, 253.

¹⁰⁶ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 113, 214, 220–221, 245; 262, 264. Ч. XI. С. 133; Десятая сессия ВС РСФСР (одиннадцатый созыв). М., 1989. С. 126.

¹⁰⁷ Третья сессия ВС СССР. Ч. XIX. С. 19–36.

¹⁰⁸ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 170.

- ¹⁰⁹ Сохранение обновленной советской федерации – международные аспекты». Тезисы Международного отдела ЦК КПСС к проведению общесоюзного референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 105–108.
- ¹¹⁰ Горбачев М.С. Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 68, 88.
- ¹¹¹ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 176, 179, 206–208.
- ¹¹² Первая сессия ВС СССР. Ч. I. С. 10; Ч. II. С. 10.
- ¹¹³ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. I. С. 89.
- ¹¹⁴ Там же. Ч. II. С. 245.
- ¹¹⁵ Там же. Ч. I. С. 32, 52, 56.
- ¹¹⁶ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. V. М., 1989. С. 488.
- ¹¹⁷ Горбачев М.С. Союз... С. 77.
- ¹¹⁸ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 61–62.
- ¹¹⁹ Там же. Ч. VI. С. 217.
- ¹²⁰ Третья сессия ВС СССР. Ч. VI. С. 3–35.
- ¹²¹ Там же. С. 15.
- ¹²² Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 86.
- ¹²³ Горбачев М.С. Союз... С. 159–167, 186–199.
- ¹²⁴ Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли разговор? М., 1991; он же. Переворот мнимый и настоящий. Ответы на вопросы из «Матросской тишины». М., 1993.
- ¹²⁵ Горбачев М.С. Союз... С. 328, 331.
- ¹²⁶ Мэтлок Д. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003.
- ¹²⁷ Лазарев Б.Н. Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002.
- ¹²⁸ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 81, 150.
- ¹²⁹ Этот факт Е. Гайдар подчеркивал как основополагающий в беседе с автором.
- ¹³⁰ Текст Соглашения о создании Содружества Независимых Государств // Горбачев М.С. Союз... С. 302–306.
- ¹³¹ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 308–309.
- ¹³² Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- ¹³³ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 146; Второй съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 423; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 78.
- ¹³⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 153.
- ¹³⁵ Там же. С. 223–224.
- ¹³⁶ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 209.
- ¹³⁷ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 483–485.
- ¹³⁸ Третья сессия ВС СССР. Ч. II. М., 1990. С. 29–135.
- ¹³⁹ Там же. Ч. II. С. 159.
- ¹⁴⁰ Там же. Ч. I. С. 31.
- ¹⁴¹ Собчак А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 168.
- ¹⁴² Третья сессия ВС СССР. Ч. II. С. 167–168, 177, 180–182.
- ¹⁴³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485–486.
- ¹⁴⁴ Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 44–45; Ч. II. С. 137–138.
- ¹⁴⁵ Там же. Ч. I. С. 38; Ч. II. С. 151, 180.
- ¹⁴⁶ Там же. Ч. II. С. 157.
- ¹⁴⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- ¹⁴⁸ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 69–76.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 70, 74.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 82–83, 85.
- ¹⁵¹ Секиринский Д.С. М.С. Горбачев, перестройка и американское общество: 1985–1991 годы // Российская история. 2010. № 5. С. 104.
- ¹⁵² Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 418.
- ¹⁵³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 488.
- ¹⁵⁴ Третья сессия ВС СССР. Ч. XIX. С. 18.

- ¹⁵⁵ Там же. Ч. II. С. 143–144. Итоги всех изменений: Конституция (Основной закон) СССР с изменениями и дополнениями, внесенными законами СССР от 1 декабря 1988 г.; 20 декабря, 23 декабря 1989 г.; 14 марта и 26 декабря 1990 г. М., 1991.
- ¹⁵⁶ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485.
- ¹⁵⁷ Станкевич З.А. История крушения СССР. М., 2001.
- ¹⁵⁸ Третья сессия ВС СССР. Ч. II. С. 191.
- ¹⁵⁹ Там же. Ч. XIII. С. 135.
- ¹⁶⁰ Там же. Ч. XII. С. 157; Ч. XIII. С. 113. С. 129–131.
- ¹⁶¹ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 232; Т. II. С. 352.
- ¹⁶² Четвертый съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. М., 1991. С. 5.
- ¹⁶³ Там же. С. 223.
- ¹⁶⁴ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М., 2008. С. 10.
- ¹⁶⁵ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001.
- ¹⁶⁶ См.: Горбачев М.С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М., 2006.
- ¹⁶⁷ Медушевский А.Н. От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 155–178.